

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Предисловие</i>	7
<i>Глава 1. Созидание</i>	15
Замысел продолжения	15
Вдали от России	25
Первое сожжение	39
«Мертвые души» и «Выбранные места из переписки с друзьями»: диптих	43
«Полное знание дела»: всё те же «Мертвые души»	60
Иерусалим: до и после	65
Авторские чтения второго тома	75
Работа над завершением поэмы	100
О. Матфей Константиновский	118
Последнее сожжение	122
<i>Глава 2. Судьба рукописи</i>	125
Загадка утраченного и обретенного второго тома	125
Реконструкция замысла	133
Загадка третьего тома	145
Труд, порученный Шевыреву	149
Расшифровка второго тома: великий князь Константин Николаевич	156
С какой рукописью работали Шевырев и Трушковский: текстологическая справка	161
Чем отличается верхний слой рукописи от нижнего	169
Ономастика второго тома и вопросы возможной датировки	182
Списки второго тома	187
Печатная история	198
<i>Глава 3. Генезис и поэтика</i>	215
Предполагаемые источники	215
«Божественная комедия» Данте и «Мертвые души»: прообраз или красивая гипотеза?	238
В поисках «живого портрета»	253
Вопрос о прототипах	262
Время и место действия: гоголевский хронотоп	279
Место действия поэмы	287

Опояское царство староверов-бегунов и духовный подвиг Гоголя	290
Специфика национальной утопии: проблема жанра	305
<i>Глава 4. Герменевтика . . . . .</i>	319
Споры о возможности духовного преображения героев	319
Телеология сожжения	326
«Мертвые души» как символический и эзотерический текст: святоотеческая традиция	338
Социальные проблемы и социальные типы второго тома: критика до 1917 года и после	347
<i>Глава 5. Мистификации и стилизации на тему «Мертвых душ» . . . . .</i>	355
Первая реконструкция А. М. Бухарева и первые мистификации Лах-Ширмы и Ващенко-Захарченко	355
Новые отрывки и варианты второго тома: обман, в который поверили многие	362
Герои «Мертвых душ» в новой, в том числе и советской, действительности (М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Булгаков, Сигизмунд Валк (Волк))	373
Новая версия «Мертвых душ»: постперестроечная эпоха	379
От «Мертвых душ» Гоголя к «Возвращению в Египет» В. Шарова	384
<i>Глава 6. Varia . . . . .</i>	392
Хронология чтений Гоголем глав второго тома «Мертвых душ»	392
«Выбранные места из переписки с друзьями» и «Мертвые души»: эффект уробороса	395
Списки второго тома «Мертвых душ»	403
Что смутило московского цензора	413
<i>Вместо заключения. Литературная биография Павла Ивановича Чичикова и жизненный текст Николая Васильевича Гоголя . . . . .</i>	424
Кто создает биографию Чичикова	427
Излюбленные роли Чичикова	435
Отступление от правил	442
Оборотная сторона Чичикова или обратная сторона Гоголя?	445
<i>Список сокращений . . . . .</i>	450
<i>Указатель имен . . . . .</i>	452

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гоголь был лгун. Вершиной романтического искусства считалось стремление открыть перед читателем душу и сказать «правду». Вершиной гоголевского искусства было скрыть себя, выдумать вместо себя другого человека и от его лица разыгрывать романтический водевиль ложной искренности. Принцип этот определял не только творческие установки, но и бытовое поведение Гоголя. <...> Есть своеобразный курьез в том, что писатель, ставший знаменем правдивого изображения жизни в русской литературе, и в творчестве, и в быту любил врать.

Так начиналась последняя, уже надиктованная, статья Ю.М. Лотмана¹. Тезис о лгуне можно было бы и перефразировать: не лгун, но мистификатор, загадавший в своей жизни (и своей жизнью) немало загадок. Хотя в случае Н.В. Гоголя это почти одно и то же. Но, что примечательно, причины «страсти», или, если воспользоваться гоголевскими словами, «задора», уже первыми биографами назывались принципиально разные. Для одних это было врожденное свойство гоголевского темперамента, его предрасположенности к карнавальной, ярмарочной стихии, которая дает себя знать не только в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», но и более поздних произведениях. И это представление удержится вплоть до работ М.М. Бахтина, Ю.В. Манна, Ю.М. Лотмана.

---

¹ Лотман Ю.М. О «реализме» Гоголя // Лотман Ю.М. О русской литературе: ст. и исслед. (1958–1993): история рус. прозы, теория лит. / Вступ. ст. И.А. Чернова. СПб., 1997. С. 694.

Для других мистификации Гоголя представлялись, напротив, следствием глубокой скрытности его натуры, заставляющей его в различных как жизненных, так и творческих ситуациях «заметать следы». «Таинственным Карлой» называли его сверстники. Да и сам он за несколько месяцев до окончания гимназии писал матери: «Правда, я почитаюсь загадкой для всех, никто не разгадал меня совершенно»¹.

И, что важно, эта страсть к мистификациям распространилась у Гоголя на самые разные сферы. В первую очередь на бытовую, что на самом деле ставит перед исследователями его творчества острый вопрос о возможности использования его, в частности, писем и авторефлексии по поводу собственных произведений как *достоверного источника*. Однако нередко подобного рода намеренное «запутывание следов» встраивалось и в саму телеологию гоголевского творческого замысла, будучи зашифрованным в пространстве художественного текста².

И все же одной из самых серьезных, интригующих и до сих пор не решенных (и нерешаемых) загадок в гоголевском наследии остается загадка второго тома «Мертвых душ», апофеозом двукратного (по другой версии — трехкратного) сожжения которого стало полыхание огня в камине дома А. П. Толстого на Никитском бульваре в ночь с 11 на 12 февраля 1852 года. Огонь уничтожил как будто бы уже совершенно готовую рукопись второго тома поэмы. Говорю «как будто бы», поскольку о существовании полностью законченного тома мы имеем весьма косвенные данные: туманные

¹ ПСС-1. Т. X. С. 123. Здесь и далее все письма Гоголя, если не оговорено иное, цитируются по изд.: ПСС-1.

² Разительный пример ранней художественной мистификации Гоголя — финальные строки повести «Страшная месть», входящей во вторую часть цикла «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Слепой бандурист исполняет песню про *Хому и Ерему и стекла Стокозу*. Имя Стокозы, игриво вписанное Гоголем в фольклорный контекст Хомы и Еремы, на протяжении полутора столетий вводило в заблуждение комментаторов и исследователей, пояснявших, что Стокоза есть персонаж украинского фольклора. А то, что Семен Стокоза был не кем иным, как гоголевским дядькой, при этом забывалось. Гоголь победил!

высказывания самого Гоголя и исполненные надежды пророчества его современников.

Противоречивой была и история обнаружения пяти глав второго тома, неравнозначных сожженным, но все же дававших некоторое представление о том, как должно было развиваться действие поэмы далее. Печаль, которую испытали друзья Гоголя при мысли о потере второго тома, постепенно стала сменяться некоторой, поначалу робкой, надеждой на возможность его вновь обрести. Параллельно возникали домыслы и о тех людях, друзьях Гоголя и его доверенных лицах, в чьих руках мог все же сохраниться список утраченного текста. Однако те, кто пришел в дом А. П. Толстого на Никитском бульваре 21 февраля (день кончины Гоголя), никаких бумаг в его комнате не нашли. И отсутствие это было подтверждено документами Московской городской полиции об осмотре вещей Н. В. Гоголя. Шесть месяцев спустя, после вскрытия комнаты Гоголя, по-прежнему в ней особо ценных бумаг не обнаружили. И только несколькими днями позднее вдруг случилось неожиданное: бумаги Гоголя были найдены, и среди них — «Объяснение на Литургию» и черновые главы второго тома «Мертвых душ». Кто конкретно обнаружил эти главы, у кого они хранились все шесть месяцев после кончины Гоголя, по сей день остается загадкой почти детективного свойства.

Особенность обнаруженных рукописей заключалась в том, что они состояли словно из двух слоев. Создавалось ощущение, что на каком-то этапе Гоголь начинал переписывать набело текст, попутно подвергая его не слишком значительной правке. А затем уже по этому тексту, видимо по прошествии некоторого времени, текст существенно переправил и дополнил, внося исправления и на полях, и между строк.

Когда С. П. Шевырев, которому друзья Гоголя и его семья поручили расшифровку глав, стал готовить для печати текст второго тома, он в основном принял во внимание тот текст, который в рукописи прочитывался уже после внесенной в него правки. Понадобилось три года, чтобы получить разрешение этот текст опубликовать.

П. А. Кулиш, который готовил следующее издание, раслоил рукопись, сформировав таким образом две редакции: «первоначальную», которая прочитывалась по нижнему слою рукописи, и «исправленную», которая представляла собой верхний слой.

Но и с этим оказалось не все так просто. Казалось бы, «исправленная» версия в издании Кулиша (1857) должна была быть идентичной той, которую напечатал Шевырев в так называемом издании Н. Трушковского (племянника Гоголя) в 1855 году. Однако тексты выглядели как неидентичные. Помимо не прочитанных Шевыревым отдельных мест, которые впоследствии были разобраны, различие было вызвано еще и тем, что промежуточная правка, имевшаяся в рукописи, субъективно могла быть отнесена и к нижнему, и к верхнему слою. И каждый, кто заново пытался читать и расшифровывать гоголевские рукописи второго тома, предлагал свой вариант, не полностью совпадавший с предыдущим.

Собственно, в этом кроется и причина той мифологии, что возникла вокруг второго тома и не прекращает вокруг него самовоспроизводиться. Советская текстологическая традиция, предполагающая обязательную выработку «белового» или «окончательного» текста, ситуацию только усложнила. С легкой руки Шевырева статус «основного» (канонического) текста был придан верхнему слою рукописи, который читателю, с рукописью Гоголя незнакомому, стал представляться как отражающий некий беловой манускрипт. Нижний же слой стал попадать в раздел «Других редакций» и подавался как черновой¹. И оттого стало казаться, что рукописей второго тома «Мертвых душ» существует несколько.

Не решило эту проблему и последнее академическое издание, в котором, правда, «основная редакция» (в отличие от большинства предыдущих изданий) дается по нижнему слою, а черновая — по верхнему². Но принципиально положения дел это не изменило.

¹ См., в частности, «старое» акад. изд.: ПСС-1. Т. VII.

² См.: ПСС-2. Т. 8. М., 2020 (изд. продолжается).

Подобная текстологическая aberrация (бывшая, разумеется, следствием соображений самых благородных — и во благо читателя, которого не хотелось запутывать вопросами слишком специальными и частными) стала причиной и дальнейших — вольных и невольных — фальсификаций. Стоило только кому-то обнаружить в архиве или в частной коллекции новый список второго тома (а их в общей сложности, как будет показано дальше, существует множество), он сразу же воспринимался как сенсация. И это потому, что идеального совпадения с печатным текстом в списках не обнаруживалось.

Именно потому основная задача данной книги, во многом выросшей из работы над подготовкой второго тома «Мертвых душ» в составе нового академического собрания сочинений Гоголя, — пролить свет на те обстоятельства, которые сопровождали создание глав второго тома, их сожжение и дальнейшее их обнаружение. Документальные материалы (извлечения из гоголевской переписки, воспоминания современников), стоит их поместить рядом, демонстрируют не только скрытность Гоголя во всем, что касалось его творческих планов, но еще и невозможность даже *post factum* реконструировать однозначно ход работы над продолжением поэмы. Иногда, читая его письма, думаешь, что он и вовсе в какой-то момент (а таких моментов на самом деле множество) оставляет замысел продолжения. И вдруг, как по мановению волшебного жезла, мы узнаём, что он уже устраивает чтение глав для своих друзей. Но рукопись при этом тщательно прячет. И остается тайное сомнение (в особенности, если учитывать дар гоголевской импровизации): не была ли то игра «с чистого листа», подобная той, которой славился Кристоф Виллибальд Глюк и которая была увековечена в рассказе «Кавалер Глюк» Э.Т.А. Гофмана? Писателя, с которым ведь недаром сравнивали Гоголя.

Истории работы Гоголя над вторым (а возможно, и третьим) томом «Мертвых душ», его сожжению, истории обнаружения рукописи — иными словами, тому, что составляет одну из наиболее загадочных страниц истории русской литературы и непосредственно творческого наследия писателя,

посвящены две первые главы данной книги: «Созидание» и «Судьба рукописи». Особое место занимают соответственно в каждой из них две своего рода «вставные новеллы» — «„Мертвые души“ и „Выбранные места из переписки с друзьями“: диптих» и «Реконструкция замысла». В первой предпринята попытка ответить на вопрос: какая роль в замысле продолжения поэмы была отведена «Переписке» и почему задача, поставленная перед собой Гоголем, оказалась, по его собственному признанию и пониманию, невыполненной? Или все-таки выполненной? Некоторые дополнительные сведения об интертексте, который образуют совокупно второй том и «Выбранные места из переписки с друзьями», можно найти в последней главе «Varia».

Глава третья «Генезис и поэтика» включает в себя раздел, посвященный возможным литературным источникам поэмы. Отдельно в ней рассматривается вопрос о возможной соотносительности трехчастного замысла поэмы «Мертвые души» с «Божественной комедией» Данте — красивая концепция, широко бытующая и в наши дни, но документально очень слабо подкрепленная. А потому и относящаяся скорее к герменевтической ситуации второго тома, нежели к его генезису. Последующие разделы главы посвящены вопросу о возможных прототипах персонажей, появившихся в продолжении поэмы, особенностях ее ономастики и «хронотопа». И, конечно, жанровой специфике.

В последнем разделе отдельно рассматривается вопрос об утопическом субстрате второго тома, что, конечно же, не было абсолютным исключением в наследии Гоголя — писателя, чье творчество традиционно подвергалось и подвергается, казалось бы, взаимоисключающим толкованиям. Романтик, реалист, социальный обличитель, писатель по преимуществу барочный, мистик и религиозный мыслитель, предтеча символизма, предтеча сюрреализма, предтеча авангарда, человек абсолютно асоциальный, ни с кем не уживающийся, — и исполненный гражданского пафоса верноподданный, патриот и космополит, человек, всю свою жизнь шедший к Богу, и художник, «водящийся» с чертом, — все эти бытующие в литературоведении определения естественно

накладываются и на историю истолкования второго тома. При этом его статус дефектного текста, предполагающий существование когда-то другого текста, более совершенного в глазах читателя (хотя отнюдь не совершенного для самого автора), делает подобного рода палимпсест¹ в особенности суггестивным. А потому история истолкования второго тома в отечественной и зарубежной критике будет представлена в главе 4 («Герменевтика») в модальности case-study — размышлений о характерологии Чичикова и возможности его дальнейшей эволюции, телеологии сожжения рукописи Гоголем, попыток вписать второй том в эзотерическую и святоотеческую традицию, настойчивого желания применить к нему квазисоциологический подход².

Желание додумать и дописать за Гоголя второй и, возможно, третий том получает оправдание в самой истории текста. И в истории его обнаружения. И в истории бытования. Как выясняется, именно второй том «Мертвых душ» стал одним из наиболее мощных смыслопорождающих текстов русской литературы. О том свидетельствуют возникавшие в разные годы мистификации и стилизации, в которых незавершенность гоголевской поэмы оставляла широкое поле для «применений» и перенесения действия в новые времена — эпоху нэпа, советской России, сталинских лагерей и пр. Начало подобного рода «дописываниям» было положено романом А. Е. Ващенко-Захарченко «Мертвые души. Окончание поэмы Н. В. Гоголя. Похождения Чичикова» (1857). А едва ли не последним, очень ярким тому примером является роман В. Шарова «Возвращение в Египет. Роман в письмах» (2013), в основу которого лег замысел показать трагическую

¹ Данной тематике был посвящен раздел «Стратегии канонизации Гоголя»: Новое литературное обозрение. 2010. № 4. С. 114–133.

² О том, как в «толковательном каноне» происходит объединение свойств текста и социокультурных интересов и текст с учетом этого актуализируется, см.: Heydebrand R., von. Probleme des Kanons — Probleme einer Kultur- und Bildungspolitik // Vorträge des Augsburger Germanistentags, 1991 / hrsg. v. J. Janota. Bd. 4: Kultureller Wandel und die Germanistik in der Bundesrepublik. Tübingen, 1993. S. 3–22; Die Bildung des Kanons. Textuelle Faktoren — Kulturelle Funktionen — Ethische Praxis / hrsg. v. L. Ehrlich, J. Schildt u. B. Specht. Köln; Weimar; Wien: Böhlau-Verl., 2007.

историю XX века как результат «недоговоренного, недосказанного откровения» гоголевской поэмы.

В завершение мне хотелось бы поблагодарить всех своих коллег, с которыми я работаю над изданием теперь уже не такого уж и нового академического Полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя. И в особенности И.А. Зайцеву, А.С. Шолохову, Н.Л. Виноградскую, участвовавших вместе со мной в подготовке второго тома «Мертвых душ». Отдельная благодарность — научному редактору этой книги А.Г. Тимофееву, чье заинтересованное и в высшей степени профессиональное прочтение рукописи было очень важно для меня, в процессе нашей совместной работы. Сердечное ему спасибо. Разумеется, хочу выразить глубокую благодарность издательству Новое литературное обозрение, и прежде всего И.Д. Прохоровой и Т.Л. Тимаковой, без содействия которых книга просто не увидела бы свет. А также сотрудникам издательства — корректору О. Дергачевой, составителю указателя О. Понизовой и дизайнеру-верстальщику Д. Макаровскому. И, конечно же, Ю.В. Манну, без чьих трудов, на которых мы все выросли, без чьих советов и душевного внимания ко всему, что создавалось в области изучения Гоголя, книга эта была бы просто невозможна. Его светлой памяти я и осмеливаюсь посвятить данное сочинение.